

Е. Б. Новикова

ТУРГЕНЕВ — ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЕЦ

В биографической литературе о Тургеневе утвердилась точка зрения о неспособности писателя к хозяйственной деятельности. При этом исследователи ссылаются на его собственные признания, жалобы на недостаток денежных средств, отзывы друзей (особую роль здесь играют воспоминания и очерки А. А. Фета). Эта точка зрения формировалась также под влиянием событий, связанных с управлением имениями и недовольством Тургенева своими управляющими. Насколько она справедлива, можно выяснить, обратившись к обстоятельствам жизни писателя и тем целям и задачам, которые он ставил перед собой как землевладелец.

Известно, что после смерти матери и согласно отдельному акту, составленному между братьями Николаем Сергеевичем и Иваном Сергеевичем Тургеневыми, Иван Сергеевич получил в наследство 5500 десятин земли и 1925 душ крепостных крестьян.¹ Несмотря на, казалось бы, рачительное хозяйствование Варвары Петровны, имения в руки наследников перешли расстроеными, обремененными долгами. Неурожай 1849 года усугубил положение дел, так что требовалось немало усилий, чтобы его исправить.

Тургенев, никогда не вникавший в дела хозяйства, доверил управление своими имениями Н. Н. Тютчеву — двоюродному брату известного русского поэта. Но за два с небольшим года управления Тютчев довел дело до того, что не стало хватать денег не только ему на жалованье, но и на прожиток Тургеневу. Оказалась растроченной большая сумма де-

---

¹ Заборова Р. Б. Тургенев и его дядя Н. Н. Тургенев // *Т Сб.* Вып. 3. С. 228.

нег, не было произведено никаких улучшений, доходы с имений понизились. Тютчеву пришлось оставить управление и вместе с семьей выехать из Спасского.

После его отъезда писатель сам принялся хлопотать по хозяйству. «Я всё это время ездил по деревням, не охотился, — писал он С. Т. Аксакову в августе ст. ст. 1853 года, — и теперь у меня в голове одно хозяйство, расчеты, счета и т. д. Так что ни о чем литературном я и подумать — пока — не в состоянии <...> всё это в будущем — а в настоящем пропасть занятий, интересных и любопытных, если хотите, но с непривычки — обременительных».²

Тургенев было примирился с новой для себя ролью помещика, с головой ушел в работу и даже начал разбираться в некоторых вопросах ведения хозяйства. Однако это занятие поглотило все его время, так что на литературу не оставалось ни минуты. В письме к своему дальнему родственнику и соседу по имению А. П. Свечину он писал: «Должен Вам сознаться, любезный Александр Павлович, что я едва ли не намерен отказаться от управления моим именем; на это нужны способности, которых я в себе не признаю, и особого рода твердость характера, которой во мне нет. Верно — шелкоперы должны оставаться шелкоперами до конца дней своих».³

Этой фразой Тургенев определил свое предназначение. В ней заключается главная причина отказа от самоличного управления именьями. Но были и второстепенные. Получив столь обширное наследство, писатель со временем осознал, что управление им требует постоянного присутствия в деревне и определенного навыка ведения хозяйства. Именья, располагавшиеся в пяти губерниях России, находились на большом расстоянии друг от друга, были обременены долгами. Кроме того, нельзя не принимать во внимание либеральные воззрения писателя, сформировавшиеся в годы учебы и под влиянием кружка Н. В. Станкевича, Т. Н. Грановского, В. Г. Белинского. Новая роль помещика, владельца крепостных душ противоречила его убеждениям. Очевидно, он это почувствовал, когда сам окупился в хозяйственную деятельность. В приводимом выше письме к А. П. Свечину Тургенев отрицал в себе твердость характера, необходимую в деле управления хозяйством. Действительно, этим качеством он не обладал, о чем свидетельствует, в частности, эпизод из воспоминаний А. А. Фета, где Тургенев, не сумев отказать крестьянам села Топки (или Тапки), раздал им всю барскую землю.⁴

---

² ПССиП(2). Письма. Т. 2. С. 249–250.

³ Там же. С. 273. Письмо от 6 (18) ноября 1853 г.

⁴ Фет. МВ. Ч. 1. С. 278–279.

Отношение к хозяйственной деятельности было одной из причин разногласий между Тургеневым и Фетом, однако их взгляды нельзя считать кардинально противоположными. Разногласие возникло в момент приобретения поэтом имения Степановка, которое стало главным предметом его забот, отодвинув литературу на второй план. Но задолго до этого события и даже до знакомства с Фетом Тургенев отмечал «неудовлетворительное состояние науки земледелия, а также и скотоводства и лесоводства в нашем отечестве, происходящее <...> от нерадения богатых владельцев, часто проживающих в отдалении от своих имений и как бы пренебрегающих своим добром».⁵ Записка «Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине», в которой содержится приведенное высказывание, была написана в 1842 году, когда Тургенев готовился поступить на службу в Министерство внутренних дел. Не исключено, что в будущем он предполагал самостоятельно заниматься хозяйством, но на практике все оказалось гораздо сложнее. Писатель постепенно пришел к выводу, что ему необходим честный и знающий управляющий. Что касается Фета, то он всегда был убежден, что сельское хозяйство не может идти без личной инициативы хозяина.

Однако приглашение управляющих в Спасское не предполагало полного отстранения писателя от решения хозяйственных вопросов. На протяжении всей жизни он чутко наблюдал за тем, что происходило в деревне и был строгим распорядителем в делах хозяйства. Тургенев прекрасно осознавал всю ответственность, которая возлагалась на него как на землевладельца. Доход от имений необходим был для того, чтобы обеспечить себя, свою дочь, довольно большое количество бедных родственников и бывших дворовых, которые поступили к нему на пенсию. Тургенев постоянно оказывал помощь нуждавшимся друзьям, делал взносы в различные фонды, занимался благотворительностью.

Не справившись с хозяйством, он решил пригласить на должность управляющего своего родного дядю — Николая Николаевича Тургенева. Отношение к хозяйству дяди и племянника оказалось различным, но, на первый взгляд, выбор не был случайным. После смерти отца писателя — Сергея Николаевича — дядя был назначен опекуном Ивана и Николая Тургеневых и одновременно исполнял обязанности управляющего в имениях Варвары Петровны.

В письмах к сыну Варвара Петровна часто жаловалась на нерадивость Николая Николаевича, его скупость и мешкотность в принятии важных решений. Например, летом 1843 года он не смог продать хлеб

---

⁵ ПССиП(2). Соч. Т. 1. С. 423–424.

вовремя. Когда цена с 13-ти рублей опустилась до 9-ти, продавать его уже не было смысла, получился бы убыток.⁶ Дядя часто отсутствовал в Спасском. Его отвлекала бумажная фабрика, устроенная в селе Тургенево, и дела, связанные с предводительством (как известно, в 1841 г. Н. Н. Тургенев был избран предводителем дворянства по Чернскому уезду Тульской губернии). «...Споров с дядей нету, — писала Варвара Петровна, — потому что и его никогда нету».⁷

Николай Сергеевич — брат писателя, который впоследствии стал преуспевающим землевладельцем, часто критиковал Николая Николаевича, указывая на недостатки его управления. В другом письме к сыну Ивану Варвара Петровна выражала свое недоумение: «Брат (т. е. Николай Сергеевич. — *Е. Н.*), видя совершенное расстройство моего здоровья и умственных способностей дяди... предложил м<не выйти в> отставку и заняться хозяйством. Именье <на>ше большое, <но!> совершенно расстроенное, благодаря упрямству и самолюбию Николая Н[иколаевича] братья быть управителем, <не пони>мая <совер>шенно хозяйственной части и да<же не вникая в оное>».⁸

Однако в упоминавшемся письме к Свечину Тургенев объяснял свое решение сделать дядю управляющим тем, что тот хорошо знает его имения «и если последнее время не мог действовать как бы следовало — то виноват в этом был не он, а покойница маменька и пресловутая *контора*».⁹

При вступлении Николая Николаевича в должность управляющего писатель не надеялся на скорое поправление дел. Основная задача, которую он ставил перед собой на ближайшее время, — оплата казенных и частных долгов, которыми были обременены имения. В 1856 году, несмотря на скудные доходы, был оплачен последний частный долг. Намного легче оказалось избавиться от казенных. Они были погашены в процессе выкупных операций, проводившихся в период крестьянской реформы.

Реформа 1861 года изменила весь уклад помещичьей и крестьянской жизни, диктовала новые условия хозяйствования. Позиция Тургенева в отношении крестьянского вопроса хорошо известна. В канун реформы, в ноябре 1857 года, в письме к Е. Е. Ламберт из Рима он сообщал:

---

⁶ Письмо от 25 июня ст. ст. 1843 г.: «Твой друг и мать Варвара Тургенева»: Письма В. П. Тургеновой к И. С. Тургеневу (1838–1844). Тула, 2012. С. 447.

⁷ Там же. С. 483. Письмо от 12 (24) октября 1843 г.

⁸ Там же. С. 201. Письмо от 26–28 мая (7–9 июня) 1839 г.

⁹ *ПССиП(2). Письма*. Т. 2. С. 273.

«В мае месяце я надеюсь прибыть в деревню — и не выеду оттуда, пока не устрою моих отношений к крестьянам. Будущей зимой, если бог даст, я буду землевладельцем, но уже не помещиком и не баринном».¹⁰

Писатель выступал за новые экономические отношения, которые предполагали использование наемного труда и сельскохозяйственных машин. Прежде чем осуществить положения реформы, он все хорошо обдумал и действовал последовательно. Еще до ее провозглашения Тургенев подготовил для крепостных в Спасском и других имениях переход от барщины к оброку и труду по найму.

Летом 1858-го и осенью 1859 года писатель находился у себя на родине. С переходом к новым условиям хозяйствования появились и новые трудности. Но вначале Тургенев их не замечал. «...Весь поколебленный быт ходил ходуном, как трясина болотная <...>»,¹¹ — напишет он впоследствии в романе «Дым», а в настоящий момент Тургенев с полной ответственностью занимается устройством отношений с крестьянами. Он переводит их с барщины на оброк. Оброчные крестьяне обязаны были платить 3 руб. сер. с десятины, не выполняя при этом никаких других повинностей. С принятием «Положения 19 февраля» эта сумма будет снижена до 2 руб. 50 к. сер. Крестьянам, пожелавшим переселиться, Тургенев дает новый сруб, что стоит ему немало денег. Много внимания уделяется размежеванию крестьянской и господской земель. Оставшуюся господскую землю он планирует обрабатывать вольным трудом или отдавать внаймы. По расчетам Тургенева, в первый год он должен потерять чуть больше четвертой части годового дохода. «...Но, должно надеяться, — писал он Н. И. Тургеневу, — что, со временем, результаты вольного труда и употребленного капитала пополнят этот недостаток».¹²

Лето 1861 года писатель также проводит в Спасском. Помимо работы над романом «Отцы и дети», он продолжает заниматься устройством нового быта. Тургенев не во всем следует положениям крестьянской реформы. Например, он дарит крестьянам усадьбы, в то время как те обязаны их выкупать, бывших дворовых людей даже наделяет землей, что тоже не предусматривалось положениями. Высший душевой надел в черноземных губерниях, в том числе в Орловской и Тульской, составлял 3 десятины. Писатель увеличил его до 3½ десятин.

---

¹⁰ Там же. Т. 3. С. 270.

¹¹ ПССиП(2). Соч. Т. 7. С. 400.

¹² ПССиП(2). Письма. Т. 4. С. 153–154. Письмо от 10 (22) февраля 1860 г.

Главной целью Тургенева было как можно быстрее перевести крестьян с барщины на оброк, так как без этого невозможно совершение выкупной операции. Причем он настаивал на одностороннем выкупе, который осуществлялся при потере 20% денежной суммы, зато оставшиеся 80% землевладельцу выплачивались сразу.

Дяде Николаю Николаевичу новые порядки не нравились, он был убежден, что подобная раздача земли и те уступки, на которые шел Тургенев, могут привести к разорению и без того расстроенного хозяйства. Не разделял он позицию своего племянника и в отношении выкупа. В его отсутствие дядя распоряжался как большинство помещиков-крепостников в тех условиях: переселял крестьян на неудобные земли, отрезал выгоны для скота, не выполнял обязательств, данных Тургеневым.¹³

Писатель терпеливо ожидал результатов хозяйственных нововведений. «Из деревни, — сообщал он Е. Е. Ламберт в декабре 1861 года, — приходят известия неблагоприятные: но это зло необходимое — и переходное; я все-таки убежден, что дело пойдет хорошо!».¹⁴

Посещение Спасского летом 1862 года не оправдало ожиданий Тургенева. Ничтожно малый доход от имений, медленность совершения выкупных операций заставили писателя рассчитывать на литературный заработок. Он уже получил гонорар за публикацию романа «Отцы и дети» в «Русском вестнике», а находясь в деревне, обратился к Н. Х. Кетчеру с просьбой об издании этого романа отдельной книгой.¹⁵ Следует отметить, что в дальнейшем публикация произведений была для писателя одним из важнейших источников дохода.

В это время дядя совершает ряд хозяйственных и финансовых ошибок, к примеру, завышает цену на тамбовское имение, отчего оно не было продано.¹⁶ При переводе за границу 5000 руб. сер. через посредство А. А. Фета и В. П. Боткина Тургенев теряет 1500 руб. сер.¹⁷ За недостатком средств писатель вынужден занимать деньги у друзей и обращаться к брату.

Дальнейший ход событий вселил в Тургенева надежду. Весной 1864 года П. В. Анненков высылает ему 20 000 руб. сер., полученные

---

¹³ Бизюкин Ф. И. Из воспоминаний о селе Спасском-Лутовинове и И. С. Тургеневе // *РВ*. 1885. № 1. С. 367–370.

¹⁴ *ПССиП(2). Письма*. Т. 4. С. 388.

¹⁵ См.: Там же. Т. 5. С. 80–81, 445. Письмо от 13 (25) июня 1862 г. Как известно, первое отдельное издание романа «Отцы и дети» с посвящением В. Г. Белинскому вышло в свет в начале сентября 1862 г. в Москве.

¹⁶ См. письмо от 3 (15) сентября 1863 г. к Н. Н. Тургеневу: Там же. С. 204–205.

¹⁷ См. письмо к В. П. Боткину от 13 (25) ноября 1863 г.: Там же. С. 219–220.

от выкупа земель. В июне Тургенев покупает 1,5 десятины земли в Баден-Бадене, а в сентябре начинает строительство дома. Предприятие требует новых денежных вложений, поэтому писатель торопит дядю с совершением выкупной операции по тамбовским имениям. «...Повторяю мой старинный припев, — пишет он Николаю Николаевичу, — выкуп, выкуп с пожертвованием как единственное средство иметь хотя небольшие деньги, все же остальное совершенно ненадежно... / ...Повторяю, не надеюсь я ни на одно зерно хлеба, ни на один вершок земли, уж это действительно темно-розовый свет!». ¹⁸

Выкуп тамбовских имений удалось совершить не сразу и только с помощью петербургских друзей — В. П. Боткина и П. В. Анненкова. В результате этой операции Тургенев рассчитывал получить 15 000 руб. сер., но получил 10 400 руб. сер. 5%-ными билетами. Вскоре бумаги упали в цене, поэтому их продажа оказалась невыгодной. Также при посредстве Анненкова писатель отдает их в залог.

«Необдуманная постройка» дома, предстоящая свадьба дочери, многочисленные обязательства — такие, как помощь семье М. А. Бакунина, и др. — заставили писателя задуматься об источниках получения денег. Выкуп имений оказался делом трудным и ненадежным, поэтому он вновь обратился к возможности получения дохода с имений и к продаже земли. Для этого, по мнению Тургенева, необходимо было грамотное управление. Писатель решает отстранить дядю от управления имениями. П. В. Анненкову он пишет из Баден-Бадена в декабре 1864 года: «Присутствие мое в России необходимо: дядя стареет и путает мои дела; непростительные проволочки влекут за собой убытки <...>». ¹⁹ Тургенев не замечает, как в оценке деятельности Николая Николаевича повторяет свою мать — обвиняет в проволочках. Варвара Петровна чаще называла это другим словом — мешкотностью — что по сути одно и то же. Писатель отчетливо осознавал всю ненормальность сложившейся ситуации, недобросовестность дяди, его косность и нерадение. Поскольку его брат с такого же количества земель получал до 20 000 руб. сер., ²⁰ то Тургенев был вправе рассчитывать на подобную сумму. В приведенном выше письме он просит Анненкова приискать «молодого, честного и деятельного человека» на должность управляющего.

Дальнейшие действия Николая Николаевича укрепили писателя в этом решении. Он по-прежнему продолжал получать малое количество денег

---

¹⁸ Там же. Т. 6. С. 58. Письмо от 25 октября (6 ноября) 1864 г.

¹⁹ Там же. С. 75.

²⁰ Там же. Т. 7. С. 170. Письмо к А. А. Фету от 31 марта (12 апреля) 1867 г.

из деревни. В одном из писем к А. А. Фету Тургенев сообщал: «Я с прошлого июля до нынешнего октября месяца получил *всего* доходных денег с моих имений около 2000 р. сер. <...>. Находите ли Вы подобный *доход* достаточным? <...> „Афины русского земледелия“, как Вы изящно прозвали Спасское, не только *ничего* не приносят — но я даже не могу добиться отчета о действиях и ходе пресловутой фермы. Лучшим доказательством справедливости моих слов служит сделанное мне на днях предложение моим дядей: отдать Спасское, имение, лежащее в 10 верстах от Мценска и состоящее из 1200 десятин отличной земли в круглой меже — какому-то арендатору <...> За 1400 р. сер. в год <...>».²¹

Несмотря на денежные затруднения, Тургенев продолжает строительство дома в Баден-Бадене, выплачивает приданое дочери, помогает друзьям.

В начале 1867 года он стремится попасть в Спасское для того, чтобы определить на должность управляющего своими имениями Н. А. Кишинского. Эта поездка не состоялась из-за болезни. 20 марта ст. ст. Тургенев из Москвы дает письменное распоряжение Кишинскому принять от Николая Николаевича управление имениями. Дяде при этом были сделаны многочисленные уступки. Он мог оставаться в Спасском столько, сколько пожелает. Люди, служащие ему, оставались на счету Тургенева. До выхода замуж второй дочери Николаю Николаевичу была назначена пенсия в 800 руб. Делая уступки, писатель рассчитывал на мирное разрешение ситуации. Дядя действительно согласился с передачей имения. В письме к П. Виардо Тургенев сообщал: «...я начал, наконец, получать от дядюшки рассудительные письма: он смиряется с необходимостью передать бразды правления в другие руки. Мой управляющий сообщает мне, что он начинает чувствовать себя хозяином: по-видимому, застал он там хаос несказанный».²²

Однако Кишинскому не сразу удалось приступить к делам, поскольку Николай Николаевич препятствовал ему. Иван Сергеевич полностью доверял Кишинскому. «...Я никогда не доверяю вполнину, а Вам я доверяю, — писал он ему в апреле 1867 года, — а потому не смущайтесь ничем и делайте спокойно свое дело».²³ Подобного рода поощрения Тургенева развязывали руки новому управляющему, в том числе в отношении Николая Николаевича. Тем не менее дядя передал новому управляющему опись имения и деньги, а некоторое время спустя Кишинский

²¹ ПССиП(2). Письма. Т. 7. С. 63–64.

²² Там же. С. 274. Письмо от 22 марта (3 апреля) 1867 г. Подлинник по-франц.

²³ Там же. С. 175.

в письме к Тургеневу сообщил о том, что бывший управляющий подал к взысканию векселя, данные ему писателем на случай своей смерти. В ответ на это Тургенев потребовал удаления Николая Николаевича из Спасского.

История конфликта Тургенева с его дядей хорошо известна. Исследователи жизни и творчества писателя сходятся во мнении о вине Николая Николаевича, о его грабительских намерениях и бесчестии,²⁴ забывая при этом, что немалую роль в конфликте сыграл Н. А. Кишинский. К сожалению, мы не располагаем подробностями, касающимися взаимоотношений Николая Николаевича с новым управляющим. Однако реакция Тургенева была явно спровоцирована Кишинским. В тот момент дядя еще ничего не говорил своему племяннику о векселях.

Николай Николаевич ожидал приезда Тургенева, самолично хотел передать ему дела. В своих воспоминаниях А. А. Фет свидетельствует, что при встрече с ним дядя начинал «громко рыдать каждый раз, когда <...> касался в речах грозившей ему сдачи управления не лично Ивану».²⁵

Вместо того, чтобы найти возможность посетить Спасское и самому разобраться в событиях, там происходивших, Тургенев довольствовался сообщениями Кишинского, чем совершал серьезную ошибку. Он решил, что для урегулирования ситуации достаточно письменных распоряжений новому управляющему. Так, по распоряжению Тургенева дядя мог оставаться в Спасском до 15 июня. При этом Кишинский обязан был снабжать его и его семью всем необходимым. Однако задолго до назначенного срока снабжение продовольствием и фуражом прекратилось, о чем Николай Николаевич сообщил в письме к своему племяннику. Тургенев нашел эту жалобу безосновательной.²⁶ В ответ Николай Николаевич наложил запрещение на имения писателя, предъявив к оплате безденежные векселя, которые Тургенев дал ему на случай своей смерти. Кроме того, он перевел на свое имя уже уплаченный вексель Е. Т. Сливицкой — родственницы и бывшей компаньонки Варвары Петровны — и потребовал вторичной его уплаты.

Родовому гнезду писателя грозила продажа с аукциона. Чтобы сохранить за собой имение, Тургенев продал баденский дом своему другу Луи Виардо, добавил к этой сумме все деньги, которые находились в спас-

---

²⁴ См., например: *Заборова Р. Б.* Тургенев и его дядя Н. Н. Тургенев // *Т Сб.* Вып. 3. С. 221–234. См. также: *ПССиП(2). Письма.* Т. 7. С. 358, примеч. 3 к письму 1944.

²⁵ См.: *Фет. МВ.* Ч. 2. С. 110.

²⁶ *ПССиП(2). Письма.* Т. 8. С. 7. Письмо к Н. А. Кишинскому от 12 (24) июня 1867 г.

ской кассе, и заплатил Николаю Николаевичу 20 000 руб. сер. В результате были выкуплены три предъявленных векселя, но при этом писатель остался практически без средств к существованию. Еще раньше в газете «Московские ведомости» он опубликовал «заявление благодарности» Николаю Николаевичу Тургеневу за труды по управлению имениями. «Дело с дядюшкой, слава богу, кончено. Он ободрал меня как липку <...>»,²⁷ — сообщал Тургенев Фету в апреле 1868 года.

Выезжая из Спасского, Николай Николаевич взял с собой изрядное количество лошадей, скота, экипажей, мебели. Чтобы не раздувать затянувшийся конфликт, Тургенев подписал все описи вывозимого имущества, а приехав в Спасское летом 1868 года, не обнаружил столового серебра со своими инициалами. По подсчетам писателя, дядя разорил его на 36 500 руб. сер., оставив при этом 5000 руб. долгу, который Тургеневу пришлось заплатить.²⁸

Расставаясь с племянником, дядя написал ему письмо, которое было «исполнено ругательствами, клеветами, ложью самой наглой <...> Тут же Кишинский обозван *нигилистом* и предсказывается <...> (Тургеневу. — *Е. Н.*) скорое разорение от этого злодея, который „отовсюду тащит деньги“!!!».²⁹

Что послужило причиной такого поведения Николая Николаевича? Природная скупость, обида, спровоцированная неправильным поведением племянника или действиями нового управляющего? В. П. Боткин в письме к Фету указывает на еще одно обстоятельство конфликта: «Вся буря поднята женским отделением <...>, и тот же Ник<олай> Ник<олаевич>, который говорил, что во всяком деле причину надо непременно искать в женщине; и вот теперь эта *она* оказалась и в его собственном деле. А там еще их *две* (Боткин имел в виду жену и младшую дочь Николая Николаевича. — *Е. Н.*), и при известной своей глупости, на что не могут они подбить старика!!».³⁰

Супруга дяди — Елизавета Семеновна — не уступала мужу в скупости, даже жадности к деньгам. В декабре 1874 года Тургенев сообщал брату Николаю: «Я сегодня только узнал, что жена дяди Николая Николаевича недавно скончалась, растратив все деньги, которые он получил от меня. Он теперь у себя в деревне, слепой, больной, одинокий. Мне его жаль...».³¹

²⁷ ПССиП(2). Письма. Т. 8. С. 183.

²⁸ Там же. Т. 9. С. 43.

²⁹ Там же. Т. 8. С. 147. Письмо к И. П. Борисову от 6 (18) марта 1868 г.

³⁰ Цит. по: *Фет. МВ.* Ч. 2. С. 114.

³¹ ПССиП(2). Письма. Т. 13. С. 240.

Трудно сказать, осознал ли Тургенев свою долю вины в ссоре с дядей. Но постепенно родственное чувство подавило обиду, и в августе ст. ст. 1878 года состоялось их примирение.

Управление имениями Н. А. Кишинским создало новые проблемы. Если Николай Николаевич отличался скупостью и нерадением, то Кишинский хитростью и алчностью. Нет сомнений, что Тургенев не раз вспомнил обвинения, высказанные дядей по адресу нового управляющего, которые, к сожалению, оказались пророческими. Очевидно, писатель их принял к сведению. Уже в ноябре 1867 года он просит И. П. Борисова наблюдать «одним глазом, что происходит в Спасском»,³² а через год получает анонимное письмо, в котором содержалось описание афер Кишинского.

Тургенев отправил это письмо своему управляющему, но сообщил, что не верит содержащемуся в нем доносу. Борисову вновь было поручено присмотреться к обстановке в Спасском. «Ваши замечания насчет Кишинского верны, — писал Тургенев, — и я бы очень Вам был благодарен, если б Вы при свидании с ним намекнули ему о „вреде ревниа“ <...>».³³

Излишне активная деятельность управляющего была связана с преобразованиями в усадьбе. В ноябре 1867 года Кишинский предложил писателю строить богадельню.³⁴ В 1869 году открывается новая школа; хозяйственные строения переносятся из Спасского в Петровское. Тургенев одобряет все предприятия своего управляющего, но для этого требуются денежные затраты.

Писатель живо интересуется всеми вопросами, связанными с хозяйством. Ему необходим контроль за деятельностью Кишинского и за поступлением денежных средств. Он понимает, что его материальное положение зависит от погоды и урожая, от цен на хлеб, от выкупных сделок и продажи земли. Поэтому от Кишинского требовались подробные отчеты.

По-прежнему основными источниками дохода являются продажа и выкуп земель. В конце 1869 года совершилась выкупная операция по калужским имениям. Значительно сложнее оказалось выкупить с. Топки Малоархангельского уезда Орловской губернии. Кишинскому пришлось дать взятку чиновникам.

---

³² Там же. Т. 8. С. 67.

³³ Там же. Т. 9. С. 147.

³⁴ Там же. Т. 8. С. 66. Богадельня была построена в 1872 г.

Более активно совершалась продажа земель. Тургенев обдумывал каждую предстоящую сделку, стараясь не продешевить. «...Если выкупные операции по жиздринским имениям, по Тапкам и по Холодову должны окончиться скоро и деньги <...> поступят своевременно — то никакой нужды дешево продавать Холодово не предвидится <...>. А потому прошу Вас следить с полным вниманием за успешным ходом выкупной операции — и продажей земли повременить, которая при проведении железной дороги должна будет возрасти в цене»,³⁵ — писал он Кишинскому.

Планируя продажу Любовши — имения в Новосильском уезде Тульской губернии — Тургенев производит подробный финансовый расчет: «...вчера получил я от <...> помещика и богача Шагилова предложение купить Любовшу <...>. Он за нее дает по 70 р. за десят<ину>, что составляет за 616 дес. 43 120 р. — расходы по купчей пополам. Если я не ошибаюсь, арендная плата за нее — 2500 р. сер. в год (за исключением, конечно, леса, которого, помнится, 78 дес.). Следовательно, отдавать за эту цену невыгодно; ибо если мне очистится 42 000 р., то даже по 5½ процентов они не принесут мне 2500 р. — а лес пойдет не в счет. Я пишу ему с нынешней почтой, что менее 50 000 р. сер. <...> я отдавать Любовшу не намерен <...>». ³⁶ Из письма видно, что Тургенев капитализирует доходы с продажи имений. Обычно на эти деньги он покупал акции. Писатель рассчитал, что процент, получаемый с акций, должен быть не меньше платежа за аренду.

С начала 70-х годов Тургенев обращается к новому источнику дохода — сдаче земель в аренду. До сих пор он с осторожностью относился к такого рода предприятиям, но малопродуктивность имений и пример других землевладельцев заставили его пересмотреть свою позицию. «Самое главное в этих делах, довольно новых и непривычных в России, — писал он Полине Виардо, — это не дать себя обмануть <...>». ³⁷

Сдачу имения в аренду Тургенев считает временной мерой, предвещающей его продажу. Однако прежде чем продать, писатель думает о выгоде — насколько сопоставим доход с имения с предлагаемой ценой. В конце августа 1873 года была продана Любовша. Немного позднее — часть земельных угодий близ Спасского-Лутовинова и в Тульской губернии; а в начале 1875 года в тульский банк заложено село Кадное.

³⁵ ПССиП(2). Письма. Т. 10. С. 35. Письмо от 27 июля (8 августа) 1869 г.

³⁶ Там же. Т. 12. С. 62. Письмо от 25 ноября (7 декабря) 1872 г.

³⁷ Там же. Т. 11. С. 322. Письмо от 3 (15) марта 1871 г. Подлинник по-франц.

По вопросам аренды и продажи имений писатель советуется с Кишинским; правда, тот не торопится с поиском покупателей и арендаторов. Особенно ему невыгодна продажа, так как теряется процент жалованья за управление. В ответ на высказанное неудовольствие Тургенев заявил, что не собирается стеснять свою свободу и если понадобится продать все, то он это сделает. В качестве компенсации будущих потерь он предложил Кишинскому 5% за каждое проданное имение.³⁸ Это предложение удовлетворило управляющего, и в дальнейшем он старался найти такого покупателя, который заплатит больше. Осенью 1873 года нашлись желающие на покупку кромского и жиздринского имений, но, по совету Кишинского, писатель не торопился их продавать и одобрил его предложение на возвышение цен. В то же время Тургенев рекомендовал своему управляющему застраховать усадебные строения и хлеб от пожаров.³⁹

Несмотря на деловой подход к хозяйству, писателя далеко не все устраивало в управлении Кишинского. Он был недоволен цифрой расхода на преобразования в Спасском, считал ее несколько завышенной. За два года на это было потрачено 33 000 руб. В каждом письме Тургенев призывал своего управляющего к экономии. Ввиду сокращения расходов тот предложил упразднить контору и приказчиков, на что писатель согласился, но сумма, затрачиваемая на постройки, продолжала оставаться большой. Следующее предложение, сделанное Кишинским в целях сокращения расходов — сдача Спасского в аренду, причем он сам готов был стать арендатором. Как известно, Тургенев осуществил эту идею, но после удаления Кишинского.

С момента вступления в должность действия управляющего были направлены на извлечение собственной выгоды. Завышенная сумма расходов на преобразования в Спасском не могла пойти вся по назначению. Очевидно, значительная часть ее оседала в кармане Кишинского. Упразднение конторы и приказчиков делали его действия бесконтрольными. Да и доходы с имений, скорее всего, отправлялись за границу частично. За девять лет управления писатель не раз намеревался его уволить. В марте 1871 года Кишинский, по просьбе Тургенева, посетил Москву: «Сегодня вечером мой управляющий отбыл в Спасское; он исправился — и я собираюсь оставить его еще на этот год»,⁴⁰ — сообщал писатель Полине Виардо.

---

³⁸ Там же. Т. 9. С. 176. Письмо от 6 (18) марта 1869 г.

³⁹ Там же. Т. 12. С. 227. Письмо от 30 сентября (12 октября) 1873 г.

⁴⁰ Там же. Т. 11. С. 329. Подлинник по-франц.

Тургенева долгое время устраивала деловая активность Кишинского, который быстро и ловко, часто не стесняясь «обходных путей», выполнял все его распоряжения. Деньги регулярно поступали за границу, иногда большими суммами. Писатель покупал акции, пополнял приданое Клоди Виардо, арендовал охотничье угодье близ Ружмона. Еще в начале 1867 года появились первые сигналы о проблемах на фабрике зятя — Гастона Брюэра и информация о том, что приданое Полины начало использоваться на их решение. Тургенев восстановил дочери пенсию, которую платил до замужества, и, по мере необходимости, делал капитальные вложения для уплаты долгов фабрики.

С весны 1873 года он начинает собирать коллекцию картин, а в 1874 году совместно с Виардо приобретает виллу и участок в Буживале, где планирует строительство собственного дома. В это же время Клоди Шамро Тургенев сообщает о «грудах золота», которого у него «по горло» и с которым он не знает что делать.⁴¹

Из Спасского продолжают поступать неблагоприятные сведения о Кишинском, но писатель не торопится отстранить его от должности. «Не сомневаюсь в том, что Кишинский нагревает себе руки, — пишет он Фету, — но несомненно также и то, что я никогда столько не получал дохода, как с тех пор, что он у меня живет».⁴²

Строительство дома в Буживале, долги стекольной фабрики, аренда охотничьего угодья, которая оказалась значительно дороже предполагаемой суммы, вызвали новые денежные затруднения. Нельзя также забывать и многочисленные обязательства, данные Тургеневым, — содержание школы, богадельни и др. В 1875 году писатель вынужден распорядиться о сокращении пенсий пенсионерам и занять деньги у брата.

Сомневаясь в честности своего управляющего, Тургенев с подозрением относится к его просьбе о новых расходах по Спасскому — призывает к экономии, а в одном из писем к Фету просит узнать о том, какое имение было куплено Кишинским. Сомнения вызывают и проценты, получаемые им от продажи имений. Отчеты, присылаемые из Спасского, запутанны. Писатель по ним не может проследить движение денежных сумм — что составляет расходная часть, сколько денег хранится в банке, а сколько находится в кассе. Возможно, касса Спасского, по упразднении конторы, также переместилась в карман Кишинского.

Приехав на родину в июне 1876 года, Тургенев заметил, что в целом дела по имениям идут неплохо, но в то же время убедился в нечестно-

---

⁴¹ ПССиП(2). Письма. Т. 13. С. 316. Письмо от 23, 24 июля (4, 5 августа) 1874 г. Подлинник по-франц.

⁴² Там же. Т. 12. С. 210. Письмо от 21 августа (2 сентября) 1873 г.

сти своего управляющего. «...У меня появилась почти полная уверенность, что мой управляющий меня грабит <...>»,⁴³ — писал он Г. Флоберу. А из письма к П. Ф. Самарину от 1 (13) июля 1876 года мы узнаем об устранении Кишинского.⁴⁴

Из-за постоянных денежных затруднений Тургенев не оставляет мысли о сдаче в аренду Спасского-Лутовинова. В июне 1876 года своему брату Николаю он сообщал: «Сегодня я отказал г-ну В. А. Кретову, который предлагал мне 125 000 р. сер. <...>. Я отказал <...> потому, что мне как-то жутко продавать Спасское <...> я отдаю Спасское в аренду моему соседу А. М. Щепкину».⁴⁵

С 1 июля ст. ст. 1876 года управляющим имениями писателя становится сын А. М. Щепкина Николай Александрович. Н. А. Щепкин в наибольшей степени по сравнению с предыдущими управляющими отвечал требованиям писателя. Но Тургенев продолжал внимательно следить за тем, что происходило в Спасском, — давал распоряжения по имениям, наблюдал за движением денежных средств, вникал во все тонкости хозяйства. Он уже приобрел значительный опыт в делах, научился понимать экономическую сторону управления, так что даже малейшая ошибка управляющего не оставалась без внимания. Н. А. Щепкин обязан был регулярно высылать за границу приходно-расходные ведомости, которые Тургенев внимательно изучал, и обсуждать все хозяйственные вопросы.

По распоряжению Тургенева, новый управляющий продолжал заниматься выкупом, продажей и сдачей в аренду земель. В конце 1876 года было продано жиздринское имение. А. И. Кашеверов, арендовавший с. Топки Малоархангельского уезда Орловской губернии, не выплатил часть аренды. Тогда Тургенев распорядился заложить это имение в Харьковском банке и выставить его на продажу. В октябре 1880 года Топки были проданы бывшему арендатору за 81 000 руб. В то же время мценский купец Н. А. Никифоров приобрел лес вблизи Спасского.⁴⁶

На долю Н. А. Щепкина достались хлопоты, связанные с махинациями Кишинского. Будучи управляющим, тот, без ведома Тургенева, продал купцу Волнову имение при деревне Ситовой Ефремовского уезда Тульской губернии, сдал в аренду с. Кадное того же уезда и с. Холодово Кромского уезда Орловской губернии. Аренду Волнов платил неисправно,

---

⁴³ Там же. Т. 15. Кн. 1. С. 309. Письмо от 6 (18) июня 1876 г. Подлинник по-франц.

⁴⁴ Там же. С. 140.

⁴⁵ Там же. С. 131.

⁴⁶ ПССиП(1). Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 268.

поэтому Тургенев вынужден был завести судебный процесс, который впоследствии выиграл.

Осенью 1880 года начался капитальный ремонт дома в Спасском. Тургенев просил не экономить, поскольку дом сильно обветшал. 4 (16) августа 1880 года он писал Н. А. Щепкину: «...благодарен за хлопоты — и повторяю просьбу не отступать перед издержками, лишь бы дом был основательно и надолго возобновлен».⁴⁷ Весной 1881 года дом был готов к приему гостей, куплена новая мебель. Кроме того, в Спасском строится часовня Александра Невского, а на территории усадьбы — новая конюшня.

Как известно, лето 1881 года Тургенев с друзьями провел у себя на родине. Это время не обошлось без хозяйственных забот. В июле писатель посетил с. Кадное, которое находилось в аренде у А. Ф. Борисова, а немного позднее — в декабре 1881 года — имение было продано купцу Ф. М. Шилову. Уезжая за границу, Тургенев возвысил цену за аренду Спасского с 5000 до 5200 руб., при этом выделил из контракта сад и строения.

В начале 1882 года родители Н. А. Щепкина купили на его имя поместье Никольское-Истомино в Веневском уезде Тульской губернии. «Радуюсь устройству Вашей будущей жизни, — писал ему Тургенев, — и, конечно, вполне согласен на ссуду Вам 5000 р. по 4% в год — чтобы тем доказать Вам мою благодарность за все Ваши старания и хлопоты».⁴⁸ Процентная ставка за ссуду была невелика, но ее наличие свидетельствует о том, что писатель не хотел потерять капитал. Долг Тургеневу Щепкин не выплатил. Более того, пользуясь тем, что писатель был тяжело болен и жил за границей, взял без его ведома из кассы еще 2800 руб. Узнав об этом, Тургенев упрекал своего управляющего, но продолжал ему доверять.

После покупки имения Щепкин с семьей переехал в него, стал реже бывать в Спасском, поэтому летом 1882 года заботы по хозяйству в усадьбе взяла на себя жена друга Тургенева Я. П. Полонского Жозефина Антоновна, а бывший камердинер Тургенева — Захар Балашов — часто приходил, чтобы присматривать за домом.

Несмотря на перемены, Н. А. Щепкин продолжал оставаться управляющим тургеневскими имениями. Он регулярно переводил деньги за границу и отправлял писателю отчетные ведомости.

---

⁴⁷ ПССиП(1). Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 296.

⁴⁸ Там же. Т. 13. Кн. 1. С. 211.

В последние годы жизни писатель испытывал острую нужду в денежных средствах. Большую часть его доходов поглощала стекольная фабрика зятя — Гастона Брюэра. Тургенев настаивал на ее ликвидации, на что Брюэр не соглашался и в результате пришел к полному разорению. Я. П. Полонскому Тургенев писал: «...на меня свалился кирпич в виде окончательного разорения моей дочери, необходимости ее развода с мужем, а также — для меня — продажи лошади, карет, картин <...> и т. д.».⁴⁹ Все свободные средства Тургенев тратил на покупку ценных бумаг на имя дочери и ее детей. В 1878 году с большим убытком была продана картинная галерея. На деньги, полученные в наследство после смерти брата, также были куплены акции. Процент, получаемый с них, увеличился, а следовательно увеличилась пенсия дочери до 5000 фр. в год. В марте 1882 года Полина Брюэр уехала от мужа в Швейцарию.

Чтобы окончательно упрочить положение дочери, Тургенев продает право собственности на издание своих сочинений И. И. Глазунову и решает продать или отдать в залог Спасское-Лутовиново. Это последнее распоряжение, которое он отдает как землевладелец. За неделю до смерти он просит Н. А. Щепкина отправить в Буживаль документы, касающиеся родового поместья, для передачи банкирскому дому Гинцбургов, но совершить сделку не успевает.

Несмотря на события, омрачившие последние годы жизни, Тургенев продолжал выполнять многочисленные обязательства, взятые им еще при вступлении во владение именьями. Это выплата пенсий, помощь друзьям и родственникам, многочисленные пожертвования на благотворительные цели, содержание школы и богадельни в Спасском.

В оценке хозяйственной деятельности Тургенева мы часто ссылаемся на Фета. В очерке «Из деревни» за 1871 год он доказывал, насколько вреден экономическому развитию абсентизм.⁵⁰ Абсентное землевладение характерно для богатого или достаточно обеспеченного помещика, который сам не занимается хозяйством, проживает за пределами именья, часто за границей, и лишь пользуется доходами с него. Нанятый управляющий, как правило, недобросовестен, не заинтересован в улучшении производства и увеличении доходов, ворует. Такое хозяйство неэффективно и даже убыточно.

---

⁴⁹ Там же. С. 189.

⁵⁰ *Фет А. А. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство / Вступит. ст., сост., подгот. текста и коммент. В. А. Кошелева и С. В. Смирнова. М., 2001. С. 312–315.* Абсентизм — здесь в значении: проживание землевладельца за пределами своего именья.

Трудно не согласиться с аргументами Фета. Напротив, изображенная им ситуация напрямую относится к Тургеневу. Однако нельзя не учитывать обстоятельство, в которых оказался писатель после смерти матери и отмены крепостного права, его мировоззрение и главное — цель, которую он ставил перед собой как землевладелец. Тургенев не был хозяином-практиком. Его творческой и гуманной натуре чужда была позиция собственника, стремящегося обогатиться, «сколотить капитал». Его хозяйственная деятельность была направлена на то, чтобы обеспечить себя, свою дочь, внуков, по мере сил и средств помогать ближним и — самое важное — иметь свободу и возможность трудиться на литературном поприще.